

ПИСЬМО А. Н. ПЫПИНА В. И. ЛАМАНСКОМУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Письмо Александра Николаевича Пыпина Владимиру Ивановичу Ламанскому является дополнением к публикации, предпринятой Д. И. Абрамовичем¹. Четкая мировоззренческая позиция, вполне определенные политические взгляды, принципиальность нашли отражение в письмах Пыпина в виде высказанных им однозначных, порой резких, оценок людей, мест, событий. Но даже отдельно от других, само по себе публикуемое ниже письмо отражает основные движения общественной жизни третьей четверти XIX в. Несмотря на личностный характер письма, в тексте можно найти ссылки на конкретные исторические события в Европе, упоминания общественных деятелей, представителей науки и искусства.

Письмо написано в Лондоне, который Пыпин посетил в рамках своей заграничной командировки, устроенной для приготовления к профессорскому званию после блестящей защиты в 1857 г. магистерской диссертации. Несмотря на то, что Университет организовывал такие командировки многим подающим надежды молодым ученым, в случае с Александром Николаевичем, видимо, произошло какое-то недоразумение: в письме Пыпин высказывает сильные сомнения относительно будущего сотрудничества с Петербургским университетом и задает вопросы о возможности работы в Москве. Но из текста письма видно, что принадлежность к Петербургской академической университетской среде – это для него наиболее предпочтительное будущее. Недаром практически все вопросы, задаваемые в письме, так или иначе связаны с представителями петербургского научного сообщества, прежде всего с И. И. Срезневским.

Практически все упоминаемые в письме ученые связаны с этим человеком: М. И. Сухомлинов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. И. Костомаров и сам А. Н. Пыпин находились под сильным влиянием Срезневского, помогавшего многим из них. Примерно в то же время, когда было написано публикуемое письмо, Срезневский стал деканом историко-филологического факультета Петербургского университета. Впоследствии большим ударом для Пыпина стало то, что Срезневский сильно отдалился от либерально настроенных ученых и полностью поддержал политику правительства в сложный период 1858–1861 гг., завершением которого стал уход из Университета в знак протеста некоторых профессоров. Среди них оказался и Пыпин, так что его карьера в качестве профессора оказалась недолгой (около года).

По мнению Александра Николаевича, научная работа предполагает абсолютную честность, принципиальность и неразрывно связана с человеческой и гражданской позицией. Этот взгляд характерен для представителей XIX в. в целом и для писателей либерально-

¹ *Абрамович Д.И.* Из переписки деятелей Академии Наук. – Л., 1925.

демократического направления, объединенных вокруг таких журналов, как «Современник», в частности; и если на формирование научных взглядов Пыпина оказал большое влияние Срезневский, то на его общественно-политическую позицию безусловно повлиял Чернышевский, его двоюродный брат, являвшийся одним из идейных руководителей и редакторов журнала «Современник». Чернышевский пользовался непререкаемым авторитетом у Пыпина. Принципиальность, честность, порядочность в одинаковой степени были свойственны им обоим. После ареста Чернышевского заботу о его многодетной семье, несмотря на постоянную нехватку денег, принимает на себя именно Пыпин. Возможно, изучение истории славян Чернышевским и повлияло на обращение Александра Николаевича к славяноведению.

Славяне интересовали в то время многих ученых, а решение славянского вопроса считалось одной из главных задач науки, при этом отношение к славянам во многом определяло содержание общественно-политических взглядов. Для Пыпина славянофильство представляло собой позицию, не имевшую ничего позитивного и не отражавшую реальное состояние славянства, отчего он и подвергал ее критике. «Славянофилы воображают, что они-то именно и призваны к делу, – писал он в публикуемом письме, – что они только одни и могут его сделать, а что другие – ни больше ни меньше как злостные отщепенцы, у которых нет и справедливости на их стороне, нет даже любви к народу; они не только не желают и не могут ничего сделать для него, они жалеют, что принадлежат к нему по рождению». Позже эта мысль нашла законченное выражение в книге «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» (СПб., 1890; СПб., 1906): «При начале их деятельности им казалось, что они именно призваны свергнуть европейское иго и выставить знамя русской самостоятельной мысли, найти истинно народные основы нашего общественного и умственного бытия и дать им силу. Новейшие последователи думают, что они действительно это сделали и что не признают этого только люди, лишенные понимания, упорствующие в заблуждении, или даже дурные патриоты. Славянофилы относятся к этим людям обыкновенно с высокомерным пренебрежением, их эпигоны – с озлоблением»¹.

Недовольство славянофилами порой переходило у Пыпина в неприятие традиционно-русского вообще, а если речь заходила о сравнении русского и европейского, то предпочтение отдавалось последнему. Так, описывая впечатления от посещения хижины Петра I в Саардаме (Голландия) во время командировки в письме П. П. Пекарскому, Пыпин утверждал: «Она немногим лучше крестьянской избы, тесна, низка, крива, но тем сильнее эффект... Вот наши исторические памятники; они действуют сильнее, чем пестрый Василий Блаженный, от которого только в глазах рябит»².

¹ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. – СПб., 1906. С. 246–247.

² Письмо П. П. Пекарскому от 16 июня 1858 г. из Гейдельберга // *Абрамович Д.И.* Из переписки деятелей Академии Наук. – Л., 1925. С. 45.

Однако неприязнь Пыпина к славянофильству нисколько не мешала ему хорошо относиться и даже дружить с некоторыми представителями этого движения. Одним из таких друзей славянофилов был В. И. Ламанский. Как Пекарский и Д. Л. Мордовцев, Ламанский принадлежал к самому близкому кругу друзей Пыпина, или к «нашему кружку»¹, как обычно в письмах друг другу они его называли. Однако, при всем своем хорошем отношении лично к Ламанскому и его научным трудам, Александр Николаевич критически относился к его общественно-политической позиции – славянофильству. В публикуемом письме можно найти достаточно резкие отзывы о славянофилах вообще и о славянофильстве Ламанского в частности. Но твердость, с какой Владимир Иванович сохранял верность своим взглядам, не уступала настойчивости Александра Николаевича, с какой он эти взгляды критиковал. Ламанский был честен и принципиален по отношению к науке и к своей гражданской позиции не меньше Пыпина. Подтверждением этому являются деятельность Владимира Ивановича в Академии наук, в Славянском благотворительном обществе, в этнографическом отделении Русского географического общества на посту председателя, в Историко-филологическом обществе при Петербургском университете тоже на посту председателя, его выступление в 1879 г. против преобладания немецкого влияния в Российской Академии Наук, уход с поста редактора «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» из-за несогласия с шовинистической позицией руководства общества и др.

Будучи людьми принципиальными, Пыпин и Ламанский неоднократно ссорились из-за разницы во взглядах и не упускали случая покритиковать друг друга в печати. «Я так далек от всей этой литературы, – пишет Ламанский в письме Пыпину в конце 70-х гг. XIX в., – что бываю рад и доволен только тогда, когда меня не трогают вовсе и обходят молчанием, ибо даже Ваши благонамеренные и полудружеские обо мне упоминания дают только иным поводом лишний раз ругнуть меня. Г. Пыпин, – будет сказано в “Голосе”, “Слове” и проч. и проч., не знаю уже который раз повторено, – основательно, рядом неопровержимых доводов обличил всю несостоятельность славянофильского вранья и невежества известного нашего юродивого или фразерствующего и незнающего профессора и т.д.»². Однако различия во взглядах не мешали Пыпину и Ламанскому дружить. Даже в публикуемом письме критические замечания сменяются пожеланиями скорейшей встречи. Дружба этих ученых продолжалась до самой смерти Пыпина.

Рукопись хранится в Рукописном отделе РНБ (Фонд № 608, Опись 1, Единица хранения № 5173).

Письмо Пыпина публикуется с сохранением пунктуации автора.

С. А. Троицкий

¹ См., напр.: Письмо П. Пекарскому от 16 июня 1858 г. из Гейдельберга // Там же. С. 42–48.

² *Абрамович Д.И.* Из переписки деятелей Академии Наук. – С. 96.

Лондон, 26 мая 1859.

Третьего дня я получил из Парижа письмо ваше, мой милый Владимир Иванович, и очень ему обрадовался, я уже давно не знаю ничего о вас, да и вообще давно не имею решительно писем из Петербурга. Скажу (не желая попадать в фамильярность, которая так вам страшна кажется), что я жадно бросился на ваше письмо, но вы с первых строк сильно меня озадачили: почему вы считаете, что слово «голубчик», которое вы решили было сказать, довольно «неприятно звучит» моему слуху за границей? Если вы думали так, то вы бы уж лучше вовсе не говорили его; вы предпочли поставить его и выразить потом сожаление о неуместном употреблении его. Это гораздо хуже... Я тоже бы не придал этому значения, но вы, несмотря на ваше «бесстрашие», которое будто бы вносите теперь во всякое суждение о чужих мнениях, постарались дальше объяснить, в чем оно, и сказать, как вы мысль теперь понимаете, и почему слово было неуместно. Представивши противоположность моих (и вообще других такого рода) мыслей с вашими, вы говорите, что ежели вам удастся быть за границей, то вы убеждены, вам меньше и меньше придется сожалеть, что вы рождены русским и славянином. Скажите ради Бога, что это значит? Неужели ваше «бесстрашие» к чужим мнениям привело вас к такому выводу на счет других, которые иногда решаются не соглашаться с вами. Упрек должен относиться ко мне, в этом нет сомнения. Защищаться от него я не стану – может быть в другую минуту вы сами поймете, сколько в нем неправды и сколько в нем могло бы быть оскорбительного, – я замечу только, что между прочим в нем сказалось именно ваше, славянофильское направление. Славянофилы воображают, что они-то именно и призваны к делу, что они только одни и могут его сделать, а что другие ни больше ни меньше как злостные отщепенцы, – у которых нет и справедливости на их стороне, нет даже любви к народу; они не только не желают и не могут ничего сделать для него, они жалеют, что принадлежат к нему по рождению. Затем я предоставляю вам думать обо мне касательно этого предмета все что вам угодно.

Что сказать вам о моем путешествии? Я прожил с месяц в Париже, присидел несколько времени дома вследствие болез-

ни, вывезенной из Берлина¹ (теперь я кажется совсем уже здоров), – потом начал суетливую парижскую жизнь; времени было немного, заниматься было нельзя хорошоенько и я таскался по городу, по театрам, галереям, в Сорбонну и т. д. На это уходит все время у тех, кто еще не успел посмотреть Парижа вдоволь. Мы прожили почти месяц вместе с Катениным², дверь о дверь, и окончательно с ним подружились, как будто были давно знакомы. Потом дня за три до моего отъезда приехал Ососов³; он остается в Париже еще месяца два. Я буду еще с ним видеться. Он конечно до сих пор такой же фантазер и болтун, каким был всегда.

Я остаюсь в Лондоне еще недели две. Я очень жалею, что никогда не мог научиться английскому произношению; без этого лишаешься даже очень многих удовольствий. Театра первых; но я все-таки этим пользуюсь, или хожу смотреть знакомые пьесы Шекспира, которые ставят здесь великолепно, с богатой обстановкой, хорошими актерами и с полным текстом; или отправляюсь в комический театр, узнавши сначала содержание пьесы. Таким образом, я постигаю слова исполняемого

¹ *...прожил с месяц в Париже, просидел несколько времени дома вследствие болезни, вывезенной из Берлина...* – о маршруте, предпринятом до этого письма, можно судить по письмам другим друзьям, в частности, Пекарскому: Германия (Берлин, Галла, Йена, Веймар, Эрфурт, Эйзенах, Вартбург, Франкфурт, Гейдельберг), Франция (Париж), Англия (Лондон), Голландия (Роттердам, Гаага, Лейден, Амстердам, Утрехт), Германия (Бонн, Гейдельберг), Швейцария, Италия, Австро-Венгрия (Прага, Вена), Германия (Берлин), Франция (Париж), Англия (Лондон), откуда и написано это письмо. (См.: *Абрамович Д.И.* Из переписки деятелей Академии Наук. – С. 41–49). Упоминаемая здесь история с болезнью, вывезенной из Берлина, является точным воспроизведением ситуации, произошедшей на год раньше. Тогда Пышину пришлось задержаться в Париже на два месяца из-за болезни, вывезенной из Берлина. Несмотря на это, от Берлина и других немецких городов он был в восторге, а Париж его разочаровал.

² *Катенин* – Катенин Михаил Иванович (не позднее 1842–1887(?)), костромской помещик. Надворный советник, был почетным смотрителем Чухломского уездного училища (до 1876), уездным предводителем дворянства в Кологриве (1875–1878) и Чухломе (1885–1887). Во время путешествия Пышина он находился за границей, где они и познакомились. Сохранилось его письмо Пышину из Флоренции с описанием театральных и политических новостей (РНБ, фонд 621 А. Н. Пышин, № 382).

³ *Ососов* – Ососов Василий Яковлевич (сер. 1830-х–1877(?)), экономист, коллежский секретарь, автор книг «Городские общественные банки России. Обзор их деятельности по 1-е янв. 1871 г.» (СПб., 1872), «Обзор состояния русской промышленности за последние десять лет (1861–1871 г.)» (СПб., 1872) и др. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по разряду общей словесности (1855 г.). Учился на одном курсе с О. Ф. Миллером. Преподавал политическую экономию в Санкт-Петербургском практическом технологическом институте. Отец известного деятеля монархического движения А. Н. Ососова. Свои впечатления о путешествии, в котором произошло знакомство с Пышиным, Ососов описал в письмах Ламанскому (РНБ, фонд 608 Помяловский И.В. оп. 1, № 5126). Сохранились также письма Ососова к Пышину (РНБ, фонд 621 Пышин А.Н.).

разговора, происходящего на сцене; там однако чрезвычайно восхищаюсь Робсоном¹, – это лучший здешний комик. Для меня преподают конечно и митинги, но опять не совсем. Например, я недавно был на митинге Кошута²; так как он иностранец и английского выговора не имеет, то я понимал, с некоторыми исключениями, его речь, чем остался очень доволен. Эта личность чрезвычайно интересная. Он говорил о том, что Англия должна держаться в каждой войне строжайшего нейтралитета³; он старался изо всех сил убедить свою усталую и [нрзб.]⁴ аудиторию, что союз с Австрией не принесет ей и в материальном отношении никакой выгоды. Его принимали великолепно. Вчера он держал митинг в Манчестере о том же предмете. Последний раз я продолжаю досматривать в Лондоне то, чего не видел прежде; оттого нередко загородные прогулки доставляли мне великое наслаждение.

Как устроится мое странствие дальше, я не могу сказать хорошенько. Меня тянет в Италию опять и в Австрию; первое я не сомневаюсь что удастся, но в Австрию, пожалуй, не попадешь. Это было бы для меня чрезвычайно прискорбно. Вы спрашиваете, что меня особенно занимает теперь в Европе, – это славяне. Мы сделали было с Катениным в Берлине отличный план вояжа, в котором главную роль играли Белград, Загреб, Черногория, Рим и Флоренция (Северную Италию он видел теперь и не дурно); но теперь Австрия будет, думаю, на каждого русского смотреть как на шпиона, а если война начнется⁵, то, пожалуй, и на Шпилберг⁶ посадит. Она утверждает

¹ Робсон – об английском актере Робсоне сведений не найдено.

² Кошут – Кошут Людвиг (Лайос) (1802–1894), венгерский революционер. Боролся за независимость Венгрии. Выступал с резкой критикой политики Австрии и России, за что и был объявлен в этих государствах вне закона. Сражался вместе с Гарибальди против Австрии. Жил долгое время в эмиграции в Турине. К концу жизни стал едва ли не самым популярным и уважаемым человеком в Венгрии.

³ ...говорил о том, что ... союз с Австрией не принесет ... никакой выгоды... – После вынужденной эмиграции Кошут ездил в Англию, Америку, где просил помощи в борьбе за независимость Венгрии у правительств и обществ. Везде выступал с речами, направленными против Австрийской империи.

⁴ Фрагменты (слова) рукописи, которые не удалось дешифровать обозначены сокращением «нрзб.», помещенным в квадратные скобки. (Прим. публикатора).

⁵ ... если война начнется... – возможно, имеется в виду война Австрии с Францией и Пьемонтом, начавшаяся как раз в мае 1859 г.

⁶ Шпилберг – Шпилберг – замок-крепость в городе Брно (Чехия), в XIX в. прославился как «тюрьма народов». Наравне с опаснейшими преступниками, туда сажали политически опасных для Австро-Венгерской империи лиц со всей Европы. Узниками крепости были французские, итальянские, польские инакомыслящие и революционеры. Такая репутация крепости и послужила А.Н. Пышину поводом для иронии.

теперь гнусности в Праге. Кстати, не знаете ли, что сделалось с Сухомлиновым¹. Я не знаю о нем ничего с марта: где он – в Праге, Кракове, Львове?

Я был очень рад вашим петербургским новостям; наконец-то Костомаров² находит свое настоящее место; это прекрасно. Я очень рад и тому, что вы надеетесь сделать что-нибудь с археологическим обществом³: быть может, если вы будете там печатать исторические памятники, вы возьмете что-нибудь и от меня, что я успел уже собрать⁴! Когда же ваша диссертация кон-

¹ *Сухомлинов* – Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901), филолог, историк литературы. Учился у Н. И. Костомарова и И. И. Срезневского. Профессор Петербургского университета. Либеральные взгляды, симпатия к национальному движению славян сблизили Пыпина и Сухомлинова. В момент написания этого письма (1859 г.) он так же, как и Пыпин, находился в заграничной командировке (1858–1860 гг.), посетил Чехию, Галицию, Сербию и др. В июне 1858 г. в Бонне они уже встречались.

² *... наконец-то Костомаров находит свое настоящее место...* – Костомаров Николай Иванович (1817–1885), историк. Большое влияние на формирование взглядов Костомарова оказал И. И. Срезневский. Учился в Москве, Воронеже, Харькове (Харьковском университете), работал в Киеве (Киевском университете, в 1846–1847 гг.), в 1848 г. выслан в Саратов (где и познакомился с Чернышевским и Пыпиным), после амнистирования выехал в заграничную командировку. В 1859 г. единогласно избран профессором, заведующим кафедрой русской истории историко-филологического факультета Петербургского университета (занимал до 1862 г.), сменив на этом посту Н. Г. Устрялова. Именно это избрание и имеет в виду Пыпин.

³ *Археологическое общество* – Императорское русское археологическое общество в Санкт-Петербурге. Создано в 1846 г. Цель – способствовать развитию археологической и нумизматической наук. Первоначально в периодическом издании общества «Mémoires de la société archéologique et de numismatique de St. Petersburg» публиковались статьи на французском и немецком языках, а внимание уделялось западным древностям. Однако постепенное расширение сферы интересов Общества привело к тому, что оно было разделено на три отделения: 1) русской и славянской археологии; 2) восточной археологии; 3) древнеклассической, византийской и западной археологии, а наряду с франкоязычным изданием, стали издаваться «Записки Императорского археологического общества». Со временем Общество практически полностью переориентировалось на изучение вопросов российской истории, на первое место вышло отделение русской и славянской археологии, а «Записки...» полностью вытеснили «Mémoires de la société archéologique et de numismatique de St. Petersburg». Общество имело поддержку со стороны императорской фамилии и правительства. Кроме того, Общество выделяло денежные премии за оригинальные сочинения по археологии, что способствовало повышению интереса к русской истории и появлению фундаментальных научных трудов.

⁴ *...Вы надеетесь сделать что-нибудь с археологическим обществом: ... если вы будете там печатать исторические памятники, вы возьмете что-нибудь и от меня, что я успел уже собрать.* – Зимой 1859 г. отделение русской и славянской археологии Императорского археологического общества обратилось к Ламанскому с просьбой подготовить выдержки из документов XVI–XVII вв., содержащихся в архивах Государственного и Главного московского министерства иностранных дел, относящихся к русской истории и не содержащих государственную тайну, для публикации издания Общества. К работе были привлечены еще П. П. Пекарский и профессор духовной академии И. А. Чистович. Результатом работы подготовка и публикация в 1861 г. под редакцией Ламанского второго тома «Записок отделения русской и славянской археологии». Именно в этом издании и предлагал Пыпин опубликовать свои архивные находки.

чится¹, ваш диспут, ваши лекции? Я ровно об этом ничего не знаю. Примите ли в диссертации исправления (только устройте так, чтоб я получил: я напр. не получил в Берлине книг, посланных мне Чер-м²), и в двух экземплярах как выходили: я сумею найти место другому. Правда ли, [нрзб.], что Срезневский³ будто бы хочет уже выйти в отставку? Это интересно. Что ваша поездка за границу, какие есть планы в настоящую минуту? Как я желаю увидиться с вами еще здесь⁴, на этой иноземной ниве, как бы хотелось поговорить о разных вещах, [нрзб.] бы мы вместе в одно и то же время, в том же одном положении...

Меня странно удивил ваш вопрос о том, «что я намерен читать в университете». В каком университете? Как читать? Я не принадлежу ни к какому университету⁵, и не знаю ничего о том, желает ли какой-нибудь университет иметь мои лекции. Мое положение здесь между прочим скверно тем, что я решительно не знаю, что я буду делать в Петербурге, к чему готовиться и т.д. Старое дело лопнуло; нового, сколько я знаю, нет.

¹ Когда же Ваша диссертация кончится... – Ламанский защитил магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» в 1859 г.

² Чер-м – Чернышевский Николай Гаврилович (1828--1889), публицист, писатель, двоюродный брат Пыпина. Защитил кандидатскую (1850) и магистерскую (1856) диссертацию. Работал под руководством И. И. Срезневского над словарем к Ипатьевской летописи («Опыт словаря к Ипатьевской летописи», СПб., 1853). Редактор «Современника». Революционно-демократические взгляды Чернышевского сближали его со многими радикально-настроенными писателями, публицистами, учеными. С 1864 по 1883 гг. находился в Сибири в ссылке, тогда забота о жене и детях Чернышевского легла на плечи самого близкого человека – двоюродного брата Пыпина. В этом письме Пыпин упоминает брата неоднократно, причем сокращая его фамилию (Чер-й, Чер.).

³ Срезневский – Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), славист, филолог. Занимался сбором, публикацией и изучением фольклорных произведений. В начале научной карьеры путешествовал по славянским землям, в т.ч. пешком, собирая материал для изучения народных обычаев. Первым в России получил ученую степень доктора славяно-русской филологии. С 1847 г. до самой смерти в 1880 г. работал в Петербургском университете, а в период с мая по окт. 1861 г. даже являлся его ректором. Служи об отставке, на которые указывает Пыпин, скорее всего, вызваны сменой статуса: в 1859 г. Срезневский стал деканом историко-филологического факультета и оставался им до смерти.

⁴ ...желаю увидиться с Вами еще здесь... – Пыпин уже встречался с Ламанским за границей годом раньше. В письме П. П. Пекарскому из Лондона от 22 мая 1858 г. Пыпин пишет: «Кстати, я нашел в Лондоне нескольких русских, петербургских знакомых: сюда приехали Тургенев, Боткин, Анненков, Каченовский (чрезвычайно милый и дельный человек), Ламанский, Капустин. Мне случилось провести со своими соотечественниками несколько в высшей степени приятных вечеров» (Абрамович Д.И. Из переписки деятелей Академии наук. – С. 44). Кроме того, в 1862–1864 гг. Ламанский еще раз выезжал в путешествие по славянским землям, Италии, Турции, Греции.

⁵ Я не принадлежу ни к какому университету... – Петербургский университет на два года отправил Пыпина в заграничную командировку (1858) «для приготовления к кафедре истории европейских литератур», а по возвращении был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора.

На этом основании мои занятия очень разбиты; я занимаюсь и Италией и чехами; читаю кое-что и из немецкой литературы и из археологии и т. д. Если бы на меня рассчитывали, я желал бы знать, какую задачу дадут мне. Но этого нет; я думаю, что на меня и не рассчитывают. Разумеется, и вы это знаете, что место в университете было бы наслаждением для меня; на таком месте я всего охотнее желал бы положить весь труд, к какому только способен, – но дело в том, что Петербургский университет ни к чему меня не обязывал (меня обязал Щербатов¹)² и, следовательно, может ничего от меня не требовать, т.е. ничего мне не давать, когда я ворочусь. За свою поездку я должен отплатить службой в университете, но где, как, когда?

В заключение я собрал вам несколько просьб, Владимир Иванович, в надежде, что вы их исполните. Первое, так как Чер.³ уехал⁴, то не сумеет увидеть Добролюбова⁵ и сказать ему

¹ *Щербатов* – Щербатов Григорий Алексеевич (1819–1881), князь. Выпускник Петербургского университета (1838). С 1856 по 1858 гг. занимал пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. За это время были подготовлены уставы низших и средних школ, а также устав Петербургского университета, не менявшийся с 1835 г., и хотя он был принят лишь в 1863 г. (в качестве устава для всех российских университетов), многие изменения, зафиксированные в нем, стали заметны практически сразу. Заслуги перед университетом были оценены и в 1858 г. Щербатов был избран в его почетные члены. Будучи председателем цензурного ведомства (эта должность была дополнением обязанностей попечителя учебного округа), много сделал для ослабления цензуры. Уважение, каким пользовался Щербатов в обществе, выразилось в избрании его петербургским губернским председателем дворянства. С момента образования Ломоносовского общества (общества по подготовке юбилея Ломоносова) до закрытия был его председателем. Благодаря стараниям Щербатова при обществе было открыто отделение для пособия нуждающимся учащимся. Но и до открытия отделения и после закрытия общества именно к Щербатову обращались за пособием нуждающиеся учащиеся и преподаватели.

² ...*Петербургский университет ни к чему меня не обязывал (меня обязал Щербатов)*... – Находясь на посту попечителя Петербургского учебного округа, Щербатов много сделал для Петербургского университета. Понимая, что для университета нужны новые научные силы, им была разработана программа двухлетней заграничной командировки для подготовки университетской профессуры. До вступления в юридическую силу нового устава, в котором эта программа была прописана, университет не имел средств для ее осуществления. Поэтому Щербатов из личных средств предоставил Петербургскому университету стипендию для отправки молодых ученых за границу «для подготовки к профессорскому званию». Но поскольку ко времени написания публикуемого письма произошли изменения в руководстве университета и учебного округа, Пыпин высказывает мысль о личном долге перед Щербатовым, и отсутствии каких-либо обязательств перед университетом.

³ *Чер.* – Н.Г. Чернышевский.

⁴ ...*так как Чер. уехал*... – В 1859 г. Чернышевский принял поездку за границу, в частности, был в Лондоне, как считают исследователи, для встречи с А. И. Герценом. Это письмо написано, когда Чернышевский был уже в пути.

⁵ *Добролюбов* – Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), критик, публицист. Учился в главном педагогическом институте, где сблизился с преподававшим там И. И. Срезневским. С 1856 г. сотрудничал с журналом «Современник», через который познакомился с Пыпиным. Напряженная работа (для «Современника» в течение 1857, 1858 и половины 1859 гг. Добролюбов

следующее: я писал Чер. о том, чтобы он отослал мне денег в Париж к 1-му июня, если Чер. не вернется к июню в Петербург, то пускай Добр. сделает это дело, потому что деньги мне необходимы. Чер. вероятно сказал ему, как поступить в этом случае. Адрес мой в Париже quai Voltaire, hôtel Voltaire lg¹.

Второе, по этому же адресу они могли бы выслать мне другой экз. Шлоссера², потому что посланного в Берлине я не получил; по этому же адресу я мог бы получить и вашу диссертацию. Третье, – нельзя ли собрать и прислать мне сколько можно сведений о городских доходах в Москве и Петербурге³, и пр. употреблений. Это можно бы устроить через разных ваших и моих знакомых; это мне необходимо, чем скорее, тем лучше. Не погнушайте этими вещами; все они для меня имеют важность.

Я уезжаю из Лондона числа 10-го июня по здешнему стилю, проеду вероятно на несколько дней в Бельгию, может быть увижу Лесевича⁴. Оттуда в Париж, чтобы в августе поехать на

писал в совокупности по 4 печатных листа ежемесячно) привела к болезни: в момент написания Пыпиным этого письма у Добролюбова проявляются первые признаки чахотки. Отзывчивость и крайне ответственное отношение к любому делу со стороны Добролюбова были причиной того, что к нему часто обращались с просьбами. В частности, в этом письме Пыпин через Ламанского просит Добролюбова посодействовать в высылке денег, нисколько не сомневаясь, что он эту просьбу исполнит.

¹ [Нрзб.] должно быть непременно. [нрзб.], т.е. страховое.

² ...*другой экз. Шлоссера*... – Шлоссер (Schlosser) Фридрих Кристоф (Христофор) (1776–1861), историк, профессор Гейдельбергского университета. Придерживался идей Просвещения. В данном случае речь идет, по всей видимости, о работе Шлоссера «История XVIII столетия», которую переводил Чернышевский (с 1858 по 1860 гг. вышло 8 томов). Критика реакции, феодализма, романтизации образа средневековья и восприятие истории как единого общечеловеческого процесса, описанные Шлоссером, нашли отклик в среде «западников», в частности, у Чернышевского и Пыпина.

³ Вероятно, Пыпин, находясь в состоянии неопределенности, продумывал различные варианты службы, выбирая между Москвой и Санкт-Петербургом. Не последнюю роль в этом выборе играл вопрос материального вознаграждения, – Пыпин постоянно в течение всей жизни в письмах жаловался на финансовое неблагополучие, усилившееся после того, как Чернышевский был арестован и сослан, а заботу о его семье взял на себя Александр Николаевич. Несмотря на то, что он остался все-таки в Петербурге, на протяжении всей своей жизни сотрудничал с московскими изданиями, поддерживал теплые отношения с разными москвичами, прежде всего, славистами (В. Ф. Миллером, А. Н. Веселовским и др.)

⁴ *Лесевич* – персоналию точно установить не удалось. Благодаря активной издательской и научной деятельности Пыпина, круг его знакомых был достаточно широк. В его архиве сохранились письма от нескольких Лесевичей. Прежде всего, это философ-позитивист Владимир Викторович Лесевич, состоявший с Пыпиным в дружественных отношениях. Кроме того, сохранилось еще письмо от сотрудницы «Отечественных записок» Лидии Парменовны Лесевич (фонд 621. А.Н. Пыпин. № 493). Однако все сохранившиеся письма написаны после 1870 г., а оба Лесевича младше Пыпина. Поэтому, представляется сомнительным, что в данном случае он имеет в виду кого-то из упомянутых

какие-нибудь морские купания, недели на три. В конце августа я отправлюсь или в Австрию или в Италию, еще не знаю хорошенько. Пишите, пожалуйста, милый Владимир Иванович; оставляйте иногда в стороне наши споры, – об них мы успеем еще поговорить вдоволь, – оставьте и ваше «бесстрашие», говорящее иногда упрёки совершенно несправедливые, и говорите немного потеплее, как нам следует с вами говорить. Будьте здоровы.

Весь ваш.

Алекс. Пып.